

Instrumental Transfers from Children to Parents as a function of Distance. Study of Ethnic Differences in Israel, Latvia and Estonia

Vladimir Kozlov (Contact Author)

Leibniz Institute for East and Southeast European Studies (Germany)

Oxana Sinyavskaya

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Tatiana Gudkova

National Research University Higher School of Economics (Moscow)

This study examines the receipt of instrumental (help with care or household chores) transfers by elderly people from other family members. Primarily children. The main objective of the paper was to assess the impact of the distance of children from their parents' household on the provision of such transfers.

The paper was written on material from the SHARE international survey database, wave 2019-20, conducted just before the Covid-19 pandemic. The focus of our analysis was 3 countries with Russian-speaking respondents: Estonia, Latvia and Israel.

Building on previous studies, including those conducted under this grant, the authors hypothesized to see some ethnic differences in the level of instrumental support for older adults, particularly in parental support for children. It was hypothesized, however, that these differences might disappear when the distance between parents' and children's residences was included in the model, as different ethnic groups may have had different settlement patterns.

The results of the study revealed some ethnic differences primarily within Israel (less support for Russian-speaking respondents by children) and partly within Latvia. However, these differences did not disappear when controlling for household distance in the models. Also in Estonia the higher solidarity across generations is observed for both Russian and Estonian language speakers.

Keywords: instrumental transfers, SHARE, minorities, distance

JEL Codes: J14, J15

Инструментальные Трансферты От Детей Родителям в Зависимости От Расстояния. Исследование Этнических Различий в Израиле, Латвии и Эстонии

В рамках данного исследования рассматривается получение инструментальных (помощь в уходе или по хозяйству) трансфертов пожилыми людьми от других членов семьи. В первую очередь детей. Основной задачей работы была оценка влияния расстояния, на котором проживают дети от домохозяйства родителей, на предоставление подобных трансфертов.

Статья написана на материалах базы данных международного исследования SHARE, волны 2019-20 года, проведенной перед самым началом пандемии Covid-19. В фокус нашего анализа попали 3 страны с русскоязычными респондентами: Эстония, Латвия и Израиль.

Опираясь на предыдущие исследования, в том числе и проведенные в рамках данного гранта, авторы предполагали увидеть некоторые этнические различия в уровне инструментальной поддержки пожилых людей, в особенности в поддержке родителей детьми. При этом, предполагалось, что эти различия могут исчезать при включении в модель расстояния между местами проживания родителей и детей, так как различные этнические группы могли иметь разные модели расселения.

Результаты проведенного исследования позволили выявить некоторые этнические различия в первую очередь внутри Израиля (меньшая поддержка детьми русскоязычных респондентов) и отчасти внутри Латвии. При этом данные различия не исчезали при включении в модели контроля расстояния между домохозяйствами. Также обращает на себя внимание сильная межпоколенческая солидарность в Эстонии, которая характерна как для русскоязычных, так и для эстоноязычных респондентов.

Вступление

Данная работа посвящена изучению особенностям поддержки пожилых людей в трех странах со значительным числом русскоговорящего населения: Израиле, Латвии и Эстонии.

Отметим, что исследование поддержки родственников в рамках расширенного домохозяйства находится внутри более широкой темы изучения частных трансфертов (Lampman & Smeeding, 1983). Важную роль в развитии методологии и стандартизации методов исследований сыграл проект National transfer accounts (Arrondel & Masson 2001, 2006). В России оценки межсемейного обмена в системе поддержки благосостояния пожилых проводились в исследованиях, базировавшихся на базах данных различных выборочных обследований (Гладникова, 2007; Миронова, 2014; Прокофьева & Миронова, 2015). В Европейских странах в качестве базы для подобных исследований использовались материалы проекта SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe).

Авторы данной статьи уже получали сопоставимые оценки на основе данных SHARE, проведенного в России в 2021 году и в Эстонии в 2015 году по особенностям инструментальных и финансовых трансфертов (Синявская, Козлов & Гудкова, 2023). Авторы в том случае предполагали увидеть этнические различия в обменах финансовыми ресурсами в большей степени, чем инструментальной поддержкой; в получении денежных трансфертов— больше, чем в их передаче. При этом в результате получились следующие результаты. Во-первых, при включении в модели социально-экономических характеристик респондентов, принадлежность к этнической группе, отличной от доминирующей в стране (например, русскоговорящие в Эстонии и представители национальности, отличной от русской в России), повышает вероятность участия в обмене (как передаче, так и получении) финансовыми трансфертами. Во-вторых, однако, этническая принадлежность, не оказывает значимого влияния на вероятность участия в обмене инструментальными трансфертами и помощь в уходе за внуками.

В рамках данного исследования мы расширили количество наблюдаемых стран, но рассматриваем только респондентов-участников 8 волны SHARE, проводимой перед пандемией в 2019-2020 гг. Также мы существенно сузили количество зависимых переменных, рассмотрев только вероятность получения инструментальных трансфертов.

Обзор предыдущих исследований

Отмечается, что частные межпоколенные трансферты (как финансовые, так и инструментальные) направлены в основном от старшего поколения к младшим. Ситуации, в которых старшее поколение получает от младших больше, чем передает, часто связаны с

неблагоприятным статусом пожилого человека – его низкой социальной позицией, бедностью или плохим состоянием здоровья (Litwin, 2004). Таким образом, например, складываются ситуация ухода детей за пожилыми родителями, которые неспособны самостоятельно за собой ухаживать, а также активной поддержки пожилых людей финансово, в основном в тех случаях, когда им требуются значительные суммы на лечения и лекарственные средства. В исследовании Attias-Donfut, Ogg & Wolff (2005), проведенном с использованием задействованной в данной работе базы данных SHARE (но ранней волны - 2004 г.) по европейским странам, показано, что денежные трансферты в основном поступают от старшего молодому поколению, в то время как инструментальные трансферты направлены как старшему, так и младшему поколениям. В более поздней работе на материалах SHARE (Wagner, Franke & Otto, 2019) было показано, что инструментальные трансферты в Европе характерны не только для родственников, проживающих по соседству, но и, например, для родителей и детей, проживающих на расстоянии 25 км. друг от друга и даже 100 км. Отметим, что в исследовании Kiilo, et al. (2016) показано, что главным фактором, влияющим на передачу межпоколенческих трансфертов, в семьях мигрантов и местных уроженцев в Эстонии, является географическая близость. Так, например, удаленность свыше 100 км от пожилых родителей у мигрантов первого поколения приводит к ослаблению солидарности между поколениями. Таким образом, мы можем предположить гипотезу о том, что этнические различия в функциональной межпоколенной солидарности на постсоветском пространстве выражены слабее и во многом определяются степенью географической разделенности (проживание в разных странах может приводить к ослаблению связей или изменению направления трансфертов). Дополнительно к европейским исследованиям большее число работ об этнических и культурных различиях в межпоколенческих трансфертах выполнено на американских данных и фокусируется на различиях между белыми американцами, латиноамериканцами и афроамериканцами (Berry, 2006; Lee & Aytac, 1998; McKernan et al., 2014; Wong et al., 1999). При этом результаты исследований не дают однозначный ответ о важности собственно культурных различий при контроле на социально-экономические характеристики: некоторые исследования говорят о том, что расовые / этнические различия (в основе которых, по-видимому, разные представления о межпоколенной солидарности) объясняют значительную часть наблюдаемых различий в межпоколенных трансфертах (Lee & Aytac, 1998; McKernan et al., 2014). Другие приходят к выводу, что большая часть наблюдаемых различий объясняется структурным неравенством в образовании, материально-имущественном положении, здоровье и структуре семей (Berry, 2006).

В последнее десятилетие появляется все больше работ, сравнивающих направления и интенсивность частных межпоколенных обменов у мигрантов с местным населением. На израильских данных показано, что этнически обусловленные культурные нормы в отношении межпоколенной солидарности могут влиять на интенсивность и направление межпоколенных трансфертов постоянных мигрантов даже при контроле характеристик здоровья, материально-имущественной обеспеченности и социально-демографических характеристик пожилого человека (Litwin, 2004). Результаты исследований собственно влияния миграции пока противоречивы: с одной стороны, сопоставление межпоколенных отношений у транснациональных мигрантов из Турции в Германию с турецкими семьями в Турции и семьями нетранснациональных мигрантов в Германии показало, что международная миграция в среднем приводит к снижению межпоколенной солидарности в части обменов (Baykara-Krumme & Fokkema, 2019). Другое исследование – польских мигрантов в Нидерландах, напротив, установило факт сохранения более сильных, чем у голландцев межпоколенных связей в семьях мигрантов (Karpinska & Dykstra, 2019). Вместе с тем, возможно, отчасти различия в результатах связаны с тем, что мобильность для польских мигрантов и их родителей проще, чем для турецких, учитывая членство Польши в ЕС, что обуславливает большие возможности польских мигрантов по сохранению тесных связей (Albertini et al., 2019).

Стоит отметить, что выводы, полученные в западноевропейских исследованиях не вполне релевантны для постсоветского пространства – мигранты в западные страны из стран Азии, Африки или Ближнего Востока очень часто имеют большую культурную дистанцию с местным населением и физически сильнее разделены. Действительно, исследование межпоколенных финансовых трансфертов в семьях мигрантов из СССР в Германии показало, что в транснациональных семьях, где пожилые родители живут за границей, направление трансфертов чаще идет от взрослых детей к их родителям, тогда как мигранты, чьи родители живут в Германии, независимо от расстояния с ними внутри страны, демонстрируют те же паттерны трансфертов, что и местное население (Vogel & Sommer, 2013). Исследования Израиля выделяются ещё большей уникальностью.

Данные и методология исследования

Как уже говорилось выше, в данной статье мы использовали данные восьмой европейской волн Европейского исследования здоровья, старения и траекторий жизни на пенсии (SHARE - Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe).

В качестве зависимой переменной рассматриваем получение социальных (инструментальных) трансфертов пожилыми людьми.

Рассматриваем 3 страны с русскоязычной диаспорой: Израиль (в основном референтная группа – Израиль), Латвия и Эстония.

В исследовании применялись методы описательной статистики и логистический регрессионный анализ. В качестве бинарных зависимых переменных выступал факт получения (в этом случае переменная принимала значение “1”) инструментальных трансфертов. Таким образом, зависимая переменная в обеих странах определялась на основе вопроса: «В течение последних 12 месяцев кто-нибудь еще из родственников, не живущих вместе с Вами, друзей или соседей оказывали какую-нибудь помощь из указанных на карточке – по уходу за собой, помощь по хозяйству, помощь с документами?» (“да” - показатель трансфертов полученных).

Распространенность каждого из языков среди респондентов представлена в Таблице 1. Очевидно, что наибольшая доля русскоговорящих респондентов проживало в Эстонии.

Таблица 1. Распространенность языка анкеты среди респондентов SHARE

Язык	Страна	Численность (абсолютная)	Доля в стране, %
Иврит	Израиль	763	81.5
Арабский		85	9.1
Русский		88	9.4
Эстонский	Эстония	2497	82.5
Русский		531	17.5
Латышский	Латвия	683	85.9
Русский		112	14.1

Рассмотрим, какая доля населения в изучаемых странах получала инструментальные трансферты (см. Таблицу 2), для оценки значимости различий использовался показатель χ^2 -квadrat Пирсона. Очевидно, что в Латвии в меньшей степени распространено получение инструментальных трансфертов среди русскоязычного населения, а в Израиле в большей степени распространено среди арабского населения (при этом различия между респондентами, говорящими на иврит и русском очень небольшие). В Эстонии значимых различий между этническими группами не наблюдается.

Таблица 2. Доля респондентов, получающих инструментальные трансферты в зависимости от языка анкеты

Латвия			Израиль			Эстония		
Язык	Доля	Значимость	Язык	Доля	Значимость	Язык	Доля	Значимость
Латышский	17.3	0.013	Иврит	21.0	<0.001	Эстонский	29.1	0.146
Русский	8.0		Арабский	38.6		Русский	32.3	
Всего	16.0		Русский	23.5		Всего	29.6	
			Всего	22.9				

Важными характеристиками, которые влияют на возможное получение ухода будут являться возраст и здоровье. Возраст у респондентов, говорящих на разных языках в Латвии и Эстонии практически не различается, в то же время в Израиле самой молодой группой являются говорящие на иврит, а самой пожилой – говорящие на русском языке (и в Израиле различия являются значимыми). Здоровье русскоязычного и говорящего на латышском языке респондентов Латвии не различается значимым образом, в то же время в Эстонии здоровье эстоноязычных респондентов значимо лучше, а в Израиле здоровье говорящих на иврит респондентов значимо выше, чем у остальных.

Таким образом, если в регрессионный анализ включить данные по всем странам, контролировать на возраст и уровень здоровья, получится, что в Эстонии вероятность как получения социальных (инструментальных) трансфертов выше, чем в Израиле и Латвии – то есть самая высокая. В Латвии данная вероятность самая низкая. При этом значимых различий между русскоязычными и эстоноязычными в Эстонии нет, а в Латвии русскоязычные получают трансферты со значимо меньшей вероятностью.

Однако на получение помощи может влиять наличие и количество детей, которые теоретически могут ее оказывать. В Таблице 3 представлены данные по детям, например, в Латвии доля бездетных среди говорящих на латышском языке значимо ниже по сравнению с русскоговорящими, при этом в Израиле у русскоговорящих доля бездетных значимо ниже, чем у говорящих на арабском и иврит. В Эстонии различия в детности между русско- и эстоноговорящими нет.

Таблица 3. Доля респондентов, получающих инструментальные трансферты в зависимости от языка анкеты

Латвия			Израиль			Эстония		
Язык	Доля	Значимость	Язык	Доля	Значимость	Язык	Доля	Значимость
Латышский	87.1	0.016	Иврит	95.5	0.047	Эстонский	89.2	0.792
Русский	96.3		Арабский	94.3		Русский	89.6	
Всего	88.3		Русский	88.4		Всего	89.3	
			Всего	94.7				

Регрессионный анализ

Таким образом, контроль на наличие детей может представляться важным для нашего анализа. Результаты регрессионных уравнений приведены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа для всех респондентов, в качестве зависимой переменной получение инструментальных трансфертов, ОШ (отношения шансов)

	все страны	Израиль	Эстония	Латвия
Страна: Израиль				

Эстония	1.091				
	(0.117)				
Латвия	0.508***				
	(0.0756)				
Наличие детей	1.426***	1.432***	1.323	1.467**	1.232
	(0.192)	(0.193)	(0.584)	(0.228)	(0.418)
Израиль (иврит)		1	1		
Израиль (арабский)		1.914**	1.889**		
		(0.599)	(0.606)		
Израиль (русский)		0.668	0.586*		
		(0.203)	(0.186)		
Эстония (эстонский)		1.087		1	
		(0.132)			
Эстония (русский)		1.189		1.098	
		(0.183)		(0.129)	
Латвия (латышский)		0.568***			1
		(0.0916)			
Латвия (русский)		0.221***			0.421**
		(0.0924)			(0.179)

Здесь и далее:

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$, в скобках стандартные ошибки, контрольные переменные возраст и здоровье.

Если контролировать на наличие детей (переменная будет значимой для выборки в целом, но при работе со страновыми подвыборками видно, что значимость получена за счет Эстонии, так как в других странах переменная не будет значимой), то все равно в Латвии вероятность получения помощи наименьшая по полученным трансфертам, а в Эстонии значимость пропадет, значимо меньшая вероятность полученных трансфертов среди русскоязычных в Латвии сохраняется.

Если рассмотреть получающих трансферты более подробно, запустить модели с базовыми контрольными переменными (здоровье и возраст) и определить, кто оказывает поддержку, то результаты будут представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа, ОШ (отношения шансов), в качестве зависимой переменной получение инструментальных трансфертов

А) от детей

	все страны	Израиль	Эстония	Латвия
Страна: Израиль	1			
Эстония	0.711**			
	(0.119)			
Латвия	0.497***			
	(0.119)			
Израиль (иврит)		1	1	

Израиль (арабский)		1.498 (0.671)	1.332 (0.610)		
Израиль (русский)		0.256*** (0.131)	0.209*** (0.110)		
Эстония (эстонский)		0.655** (0.128)		1	
Эстония (русский)		0.639* (0.154)		0.990 (0.173)	
Латвия (латышский)		0.456*** (0.119)			1
Латвия (русский)		0.455 (0.319)			0.979 (0.693)

В) от партнеров

	все страны	Израиль	Эстония	Латвия
Страна: Израиль	1			
Эстония	0.604* (0.160)			
Латвия	0.564 (0.226)			
Израиль (иврит)	1	1		
Израиль (арабский)	2.634* (1.389)	3.033** (1.649)		
Израиль (русский)	1.896 (1.339)	2.400 (1.753)		
Эстония (эстонский)	0.655 (0.223)			
Эстония (русский)	1.596 (0.607)		2.422*** (0.651)	
Латвия (латышский)	0.687 (0.323)			
Латвия (русский)	2.357 (2.057)			3.988 (3.995)

С) от лиц, которые не являются родственниками

	все страны	Израиль	Эстония	Латвия
Страна: Израиль	1			
Эстония	1.362 (0.335)			
Латвия	2.530*** (0.779)			
Израиль (иврит)	1	1		

Израиль (арабский)		0.232	0.296		
		(0.244)	(0.315)		
Израиль (русский)		2.097	3.066*		
		(1.306)	(2.078)		
Эстония (эстонский)		1.362			
		(0.378)			
Эстония (русский)		1.008		0.724	
		(0.352)		(0.183)	
Латвия (латышский)		2.341**			
		(0.793)			
Латвия (русский)		2.992			1.245
		(2.278)			(0.935)

Из Таблицы 5 видно, что в Латвии по-прежнему самая низкая вероятность получать трансферты от детей (разницы между респондентами по языку нет) и самая высокая вероятность от неродственников (друзья, соседи и социальные службы), при этом в Латвии нет различий в зависимости от языка (отношение шансов расходятся, но они не значимые). Эстония занимает промежуточное положение. В Израиле распространены трансферты от детей, но не очень часто встречается помощь от неродственников. В Израиле среди русскоговорящих респондентов в меньшей степени распространены трансферты от детей, но в большей степени от неродственников.

Влияние расстояния

Рассмотрим влияние расстояния на инструментальные трансферты. В SHARE представлены переменные, позволяющие определить расстояние между домохозяйством респондента и домохозяйством, в котором проживают его дети проживание. Рассмотрим только респондентов, у которых имеются дети и оценим вероятность получения помощи от детей.

Сначала оценим влияние проживания в том же самом доме (но не в том же самом домохозяйстве, так как в зависимой переменной изначально заложено получение помощи из внешнего домохозяйства), создадим переменную, которая указывает, что хотя бы один из детей респондента проживает в том же доме. Далее создадим переменную, которая показывает, что хотя бы один из детей живет не в том же доме, а на расстоянии не менее 1 км.

Таблица 6. Результаты регрессионного анализа для определения шансов получения помощи от детей в зависимости от расстояния их проживания (до 1 км), ОШ

все страны	Израиль	Эстония	Латвия
------------	---------	---------	--------

Страна: Израиль	1				
Эстония	1.152				
	(0.230)				
Латвия	0.718				
	(0.203)				
Израиль (иврит)		1			
Израиль (арабский)		0.734	0.835		
		(0.397)	(0.491)		
Израиль (русский)		0.329**	0.269**		
		(0.183)	(0.152)		
Эстония (эстонский)		0.972			
		(0.220)			
Эстония (русский)		0.998		1.027	
		(0.285)		(0.226)	
Латвия (латышский)		0.669			
		(0.207)			
Латвия (русский)		0.160**			0.244
		(0.146)			(0.230)
Тот же дом	2.013***	2.012***	1.872	2.074***	1.888
	(0.396)	(0.401)	(0.855)	(0.525)	(0.969)
>1км	2.225***	2.273***	1.056	3.030***	3.155*
	(0.516)	(0.538)	(0.487)	(1.031)	(1.881)

Видно, что при контроле за расстоянием между домохозяйствами сохраняются значимые различия между русскоговорящими и говорящими на иврите респондентами в Израиле (что уже было показано в Таблице 5), снижаются шансы на помощь детей и у русскоязычных респондентов Латвии, но при этом значимость есть только у коэффициента для единой выборки (в самой латвийской подвыборке численность населения очень мала). Сам факт проживания детей недалеко от родительского дома повышает шанс на получение инструментальных трансфертов, но, как и в предыдущих случаях, за счет показателей Эстонии. Значимость в Латвии и Израиле не очевидна из-за меньшего объема выборки

Таблица 7 Результаты регрессионного анализа для определения шансов получения помощи от детей в зависимости от расстояния их проживания (до 25 км), ОШ

	все страны	Израиль	Эстония	Латвия
Страна: Израиль	1			
Эстония	1.117			
	(0.222)			
Латвия	0.729			
	(0.207)			
Израиль (иврит)		1		
Израиль (арабский)		1.136	1.008	

		(0.602)	(0.535)		
Израиль (русский)		0.325**	0.267**		
		(0.181)	(0.153)		
Эстония (эстонский)		0.991			
		(0.226)			
Эстония (русский)		1.013		1.048	
		(0.292)		(0.231)	
Латвия (латышский)		0.715			
		(0.223)			
Латвия (русский)		0.185*			0.275
		(0.165)			(0.249)
Менее 25 км	2.724***	2.718***	2.360**	2.749***	3.291**
	(0.407)	(0.408)	(0.946)	(0.479)	(1.636)

Результаты принципиально не изменятся, если поменять критерии «близкого» расстояния (см. Таблицу 7) до 25 км (то есть хотя бы один из детей живет на расстоянии менее 25 км). Отметим только регулярную значимость данного показателя – шансы возрастают примерно в 2.7 раз, в особенности, высокий показатель в Латвии.

Заключение

В результате проведенного анализа было отмечено, что в Эстонии особенных отличий между русско- и эстоноговорящими не наблюдается, в то время как в Латвии подобные различия встречаются, однако их значимость не является устойчивой. В Израиле среди русскоязычных наблюдается меньшая поддержка пожилых, в особенности со стороны детей, при этом в большей степени наблюдается поддержка со стороны лиц, которые родственниками не являются. Ожидаемо расстояние увеличивает вероятность ухода детей за родителями, при этом расстояние проживания явно не объясняет ряда замеченных этнических различий.

Благодарность. Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» (грант RUS_ST2019-423 – LifeTraR). Авторы О. Синявская и Т. Гудкова благодарят за финансовую поддержку в рамках научного проекта № 20-511-76006 РФФИ.

Обзор литературы

- Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная Политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры (SPERO). 2007. № 7.
- Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. Т. 10. С. 136-142. https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_10/136-142_Mironova.pdf (дата обращения: 18.12.2022).

- Прокофьева Л. М., Миронова А. А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. №. 3. С. 69-86. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1775>.
- Синявская О.В., Козлов В.А., Гудкова Т.Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 186—211
- Albertini M. (2016) Ageing and Family Solidarity in Europe: Patterns and Driving Factors of Intergenerational Support. *World Bank Policy Research Working Paper* (7678). P: 1-42. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24516/Ageing0and0fam0generational0support.pdf?sequence=1>.
- Arrondel L., Masson A. (2001) Family Transfers Involving Three Generations. *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 103. No. 3. P. 415-443. <https://doi.org/10.1111/1467-9442.00253>.
- Arrondel L., Masson A. (2006) Altruism, Exchange or Indirect Reciprocity: What Do the Data on Family Transfers Show?. In: Kolm S. C., Ythier J. M. (eds.). *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Vol. 2. North-Holland: Elsevier. P. 971-1053. [https://doi.org/10.1016/S1574-0714\(06\)02014-8](https://doi.org/10.1016/S1574-0714(06)02014-8).
- Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F. C. (2005) European Patterns of Intergenerational Financial and Time Transfers. *European Journal of Ageing*. Vol. 2. No. 3. P. 161-173. <https://doi.org/10.1007/s10433-005-0008-7>.
- Baykara-Krumme H., Fokkema T. (2019) The Impact of Migration on Intergenerational Solidarity Types. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 1707–1727. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485203>.
- Berry B. (2006) What Accounts for Race and Ethnic Differences in Parental Financial Transfers to Adult Children in the United States? *Journal of Family Issues*. Vol. 27. No. 11. P. 1583–1604. <https://doi.org/10.1177/0192513X06291498>.
- Karpinska K., Dykstra P. A. (2019) Intergenerational Ties across Borders: A Typology of the Relationships between Polish Migrants in the Netherlands and Their Ageing Parents. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 45. No. 10. P. 1728–1745. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485204>.
- Kiilo T., Kasearu K., Kutsar D. (2016) Intergenerational Family Solidarity: Study of Older Migrants in Estonia. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*. Vol. 29. No. 2. P. 71-80. DOI: <https://doi.org/10.1024/1662-9647/a000144>.
- Lee Y.-J., Aytac, I. A. (1998) Intergenerational Financial Support among Whites, African Americans, and Latinos. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 426–441. <https://doi.org/10.2307/353859>.
- Lampman R. J., Smeeding T. M. (1983) Interfamily Transfers as Alternatives to Government Transfers to Persons. *Review of Income and Wealth*. Vol. 29. No.1. P. 45-66. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1983.tb00631.x>
- Litwin H. (2004) Intergenerational Exchange Patterns and Their Correlates in an Aging Israeli Cohort. *Research on Aging*. Vol. 26. No. 2. P. 202–223. <https://doi.org/10.1177/01640275032606>.
- McKernan S.-M., Ratcliffe C., Simms M., Zhang S. (2014) Do Racial Disparities in Private Transfers Help Explain the Racial Wealth Gap? New Evidence from Longitudinal Data. *Demography*. Vol. 51. No.3. P. 949-974. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0296-7>.

- Vogel C., Sommer E. (2013) Financial transfers between adult children and parents in migrant families from the former Soviet Union. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 44. No 6. P. 783-796. DOI: <https://doi.org/10.3138/jcfs.44.6.783>
- Wagner M., Franke A., Otto U. Pflege über räumliche Distanz hinweg: Ergebnisse einer Datenanalyse des Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe //Zeitschrift für Gerontologie und Geriatrie. – 2019. – T. 52. – №. 6.
- Wong R., Capoferro C., Soldo B. J. (1999) Financial Assistance from Middle-Aged Couples to Parents and Children: Racial-Ethnic Differences. *The Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 54. No 3. P. S145-S153. <https://doi.org/10.1093/geronb/54b.3.s145>.